

Дождь, о котором говорил Чэн Цзайе, начал с перерывами накрапывать только к полудню следующего дня, да и то с перебоями. Чуть пойдёт — и перестанет: стоило улицам слегка намокнуть, как выглянувшее солнце высушивало их.

Такая погода стояла несколько дней подряд. Лето в средиземноморском климате обычно жаркое и сухое, осадков выпадает мало, а затяжные дожди — редкость. Цзян Шоуяню «повезло»: он собрал все погодные аномалии разом.

Дождь всегда нагоняет лень. Цзян Шоуянь проспал до полудня, а проснувшись, распахнул окно и, уставившись в лазурно-чистое небо, пытался прийти в себя. Шум атлантических волн оставался прежним, пальмы, как всегда, ровным строем стояли вдоль дороги. Мечущиеся тени переплетались и расходились, а в голубом небе и белых облаках отражались далёкие морские брызги. Он вполне закономерно вспомнил пляж и мужчину, выходящего из морских волн.

Голова вдруг отяжелела, а виски сдавило — Цзян Шоуянь потёр их ладонью. Разом нахлынули последствия попыток заснуть с помощью алкоголя. Он наклонился, взял телефон с прикроватной тумбочки и, просматривая сообщения, направился к выходу.

В два ночи Цзян Шоуянь обнаружил, что душ в его комнате не работает, и отправил сообщение Мартиму. Жильё ему помог снять именно он: домовладелец полностью доверил вопросы аренды другу, а Мартим, в свою очередь, взял на себя все хлопоты Цзян Шоуяня. Двое посредников стали связными, и, поскольку они были друзьями, общаться было намного проще.

Мартим с девяти утра прислал Цзян Шоуяню несколько сообщений с интервалом в пару минут.

Мартим: (Сломался? Я спрошу.)

Мартим: (Приятель тоже не в курсе ситуации, но домовладелец как раз недавно приехал, он свяжется с ним.)

Мартим: (Домовладелец сказал, что может зайти посмотреть прямо сейчас. Когда тебе будет удобно?)

Цзян Шоуянь, отвечая на сообщение, открыл входную дверь. В белой плетёной корзине, висящей на стене, лежал сегодняшний небольшой подарок, прилагающийся к аренде. Возможно, потому, что он снимал жильё на долгий срок, ему каждый день приносили разную выпечку: вчера это была фокачча с черникой, сегодня — круассан с печеньем.

Только вот больше не было ни изысканного пакета, ни открытки с пожеланием счастья на китайском языке. Вместо них в плетении корзины был тихо пристроен подсолнух с зелёной сердцевинкой — его было видно сразу, стоило открыть дверь.

Цзян Шоуянь, как обычно, поместил цветок в винную бутылку на квадратном столе. В узком горлышке уже теснились три распустившихся подсолнуха. Цвет, похожий на солнечный свет, казалось, делал этот серый угол гостиной намного ярче.

Цзян Шоуянь прислонился к краю стола и набрал последний символ в окне чата.

Riley: Прошу прощения, только проснулся. Можно днём или вечером, я буду дома.

Через пять минут пришёл ответ: домовладелец сказал, что подойдёт к четырём. Он взглянул на время — ещё не было и двух, времени предостаточно.

Отложив телефон, он остался стоять у стола, неспешно поедая сегодняшний круассан. Дождь окончательно прекратился, небо полностью прояснилось. Солнце осветило подсолнухи в углу. Цзян Шоуянь протянул руку и коснулся лепестков: их оранжево-жёлтый цвет был настолько ярким и страстным, что казалось, будто он излучает тепло. Кончики пальцев, медленно приближаясь, невольно дёрнулись.

Цзян Шоуянь медленно моргнул, глядя на полный жизни цветок, и снова вспомнил полного энергии молодого мужчину, который так же уверенно цвёл на ветру и под дождём. Цзян Шоуянь усмехнулся своим мыслям.

Доев последний кусочек круассана, он переставил подсолнухи на подоконник — там было больше света, лучшей пищи для всего живого. Затем Цзян Шоуянь вернулся в комнату, чтобы

немного прибраться перед приходом хозяина. Собственно, убирать было особо нечего: раскрытый чемодан лежал на полу, а в изножье кровати валялось несколько чистых вещей.

Цзян Шоуянь аккуратно сложил их одну за другой в чемодан, а затем достал оттуда пластиковый пакет с застёжкой, засунутый в угол. В нём хранились две вещи. Первая — кольцо его матери, которое бабушка бережно хранила и часто доставала, когда скучала по дочери. Вторая — его предсмертная записка. Две небрежные строчки: одна на английском, одна на китайском. Цзян Шоуянь спрятал записку под подушку, а кольцо, сквозь которое был продет чёрный шнурок, повесил на шею.

Стоило ему захлопнуть чемодан, как снаружи раздался звонок в дверь. Он поднял голову и посмотрел на часы на стене: ровно четыре, секунда в секунду. Цзян Шоуянь, шаркая тапочками, пошёл открывать. Когда он увидел человека, стоящего за дверью, ему на миг показалось, что его ослепило солнце.

Чэн Цзайе держал в руках огромный подсолнух, его улыбка была мягкой и тёплой, словно весенний ветерок:

— Привет. Это здесь сломался душ? — Увидев Цзян Шоуяня, он изобразил удивление: — Какое совпадение, мы снова встретились.

Цзян Шоуянь не услышал в его тоне ни капли искреннего удивления, зато заметил лукавый блеск в глазах. Уголки его глаз на фоне стены карамельного цвета казались наполненными неясной нежностью. Чэн Цзайе заговорил:

— Цветы во дворе распустились, я сорвал один по дороге. Их сажала моя мама.

Цзян Шоуянь опустил взгляд на протянутый ему махровый подсолнух. На толстом зелёном стебле красовались три тяжёлых, пушистых цветка. Никакой изысканной упаковки — он был передан Цзян Шоуяню в первозданном виде, как был сорван в саду, и ещё хранил аромат дождя.

Цзян Шоуянь подумал о подсолнухах с зелёной сердцевинкой, которые получал последние несколько дней, и о десертах — разных, но всегда приходившихся ему по вкусу. Мартин раньше говорил, что домовладелец — хороший человек, а тарталетки и вино в холодильнике — подарок каждому жильцу. Поэтому Цзян Шоуянь решил, что выпечка и цветы в корзине у двери — просто ещё один жест вежливости при длительной аренде. Но теперь казалось, что это не совсем так.

Цзян Шоуянь не хотел разбираться в этих хитросплетениях. Он лишь поднял глаза и медленно спросил:

— Подсолнух — для меня или для жильца?

В случае с Цзян Шоуянем эти две роли не отличались, но, если расширить понятие «жилец», вопрос приобретал оттенок тонкой двусмысленности.

Чэн Цзайе на мгновение опешил, но тут же рассмеялся — так же открыто и горячо, как сиял подсолнух у него в руках:

— Только для тебя.

Если бы не его слегка покрасневшие уши, Цзян Шоуянь и вправду мог бы подумать, что Чэн Цзайе так же спокоен, как и его тон.

Цзян Шоуянь открыл дверь пошире, но цветок из его рук не взял. Он развернулся и прошёл внутрь:

— Этот слишком большой, там сбоку ещё нераскрывшиеся бутоны. Я не умею ухаживать за цветами.

Чэн Цзайе последовал за ним:

— Ничего страшного, я умею, могу тебя научить.

Цзян Шоуянь не ответил. Он провёл Чэн Цзайе в спальню, открыл раздвижную дверь ванной и лениво прислонился к косяку:

— Вот этот душ не работает. — Затем он снова поднял глаза и спросил: — Ты сумеешь починить?

Чэн Цзайе, всё ещё прижимая к груди подсолнух, огляделся по сторонам и спросил:

— Куда его положить?

Цзян Шоуянь немного помолчал, затем забрал цветок. Тяжёлый, крупный стебель бросался в глаза. Интересно, пялились ли на него прохожие, пока он шёл сюда?

В ванной комнате, отделанной белым кафелем, было очень светло. Чэн Цзайе присел на корточки, перекрывая воду, а затем принялся откручивать насадку душа:

— Вроде ничего серьёзного. Возможно, из-за недавних дождей попал песок или грязь, нужно просто сменить фильтр.

Их взгляды на мгновение встретились в висящем над раковиной зеркале и тут же разошлись. На бортике стояли простые умывальные принадлежности, рядом висело полотенце Цзян Шоуяня. В воздухе витал едва уловимый прохладный аромат, сдержанный и строгий, как его хозяин.

Чэн Цзайе опустил глаза, его кадык дёрнулся, а дыхание вдруг замедлилось. Цзян Шоуянь прислонился к дверному косяку, поглаживая указательным пальцем шершавые листья подсолнуха. Ванная в спальне была не такой просторной, как общая, а присутствие рослого Чэн Цзайе делало её визуально ещё меньше.

На вид в Чэн Цзайе было больше метра девяноста. Он был в светло-серой майке и чёрных спортивных штанах. Когда он наклонялся или сидел на корточках, его широкая спина и плечи расправлялись, мышцы на руках были плотными и рельефными. С каждым движением, пока он открывал лейку душа, под кожей двигались рельефные сухожилия.

Цзян Шоуянь смотрел на него, и ему вдруг захотелось курить. Он давно бросил, но сейчас накатило внезапное желание. Положив подсолнух на подоконник, он взял с прикроватной тумбочки пачку сигарет и зажигалку, после чего снова прислонился к окну.

Вверх поплыл бледный дым, солнце превращало его янтарный. Цзян Шоуянь смотрел, как Чэн Цзайе в ванной, выпрямившись, слегка склонил голову и что-то прикручивает. Его мягкие волосы падали на лоб — их цвет балансировал между чёрным и каштановым, кончики слегка вились. Лёгкие, естественные завитки придавали ему расслабленный и немного небрежный вид.

На самом деле, когда Цзян Шоуянь впервые увидел Чэн Цзайе, тот показался ему смутно знакомым. Возможно, потому, что за годы работы он видел слишком много иностранцев с похожим типом лица. А может быть, дело было в мягкости и интеллигентной скромности, свойственной людям Востока, которая проскальзывала в Чэн Цзайе, когда он опускал глаза. Его мать наверняка была очень элегантной восточной женщиной.

Цзян Шоуянь слегка прищурился и медленно выдохнул струйку прозрачного дыма. Чэн Цзайе обернулся и увидел картину: мягкий свет смягчил силуэт Цзян Шоуяня, подсолнух тихо лежал у его ног, а холодные глаза с чуть приподнятыми уголками сквозь дым выглядели почти томными. Он спокойно и лениво смотрел на Чэн Цзайе, находясь теперь чуть ближе, чем раньше.

Пальцы Чэн Цзайе, сжимавшие шланг, дрогнули и разжались — внезапно во все стороны брызнула ледяная вода, заставив его вздрогнуть. Уголки губ Цзян Шоуяня приподнялись в едва заметной усмешке.

Чэн Цзайе, поджав губы, отвернулся, закончил работу, вытер воду с пола и, наконец, вышел из ванной, выглядя несколько сконфуженным. Цзян Шоуянь наблюдал, как его собственная тень, падающая от окна, медленно ползёт по телу Чэн Цзайе, пока она не остановилась на его груди.

— Всё готово, — сказал Чэн Цзайе, — теперь вода идёт нормально.

Он изрядно промок: на животе и груди расплылось большое тёмное пятно, в волосах блестели капли. Взгляд Цзян Шоуяня медленно скользил вверх, пока не встретился с глазами Чэн Цзайе.

— Мгм, спасибо за труды.

Во время разговора Чэн Цзайе уловил лёгкий запах табака. Душ был починен, и, казалось, больше не было повода задерживаться. Чэн Цзайе перевёл взгляд на подсолнух, пытаясь придумать, как переквалифицироваться из сантехника в садовника. Но не успел он ничего сказать, как заговорил Цзян Шоуянь:

— В мокрой одежде ходить вредно. Не хочешь переодеться?

Для Чэн Цзайе это было пустяком: пока он дойдёт до парковки, солнце высушит большую часть. Но он всё же улыбнулся и сказал:

— Доставлю тебе хлопот.

Цзян Шоуянь кивнул, затушил сигарету, хотя оставалась ещё добрая половина, и прошёл мимо него к чемодану:

— У меня есть несколько футболок оверсайз, одна из них должна тебе подойти.

Чэн Цзайе обернулся следом за ним, и его взгляд вдруг замер. Он увидел кольцо, выскользнувшее из-под воротника Цзян Шоуяня, — простое серебряное кольцо, явно женское. Тот факт, что его носят на шнурке на шее, мог означать многое. Мысли Чэн Цзайе метались, пока Цзян Шоуянь не протянул ему белую футболку:

— Держи.

Чэн Цзайе бросил быстрый взгляд на основание безымянного пальца его левой руки — там не было следа от долгого ношения кольца. Не помолвлен, не женат. Чэн Цзайе невольно выдохнул с облегчением и медленно произнёс:

— Спасибо.

— Не за что, — ответил Цзян Шоуянь. Он снова облокотился о подоконник.

Чэн Цзайе постоял несколько секунд, сделал пару шагов вперёд, положил футболку на стул, схватился за ворот майки на спине и начал её стягивать. Серая ткань поползла вверх по его пояснице, слегка согнутая спина напоминала крылья парящей над морем чайки, таила первобытную, ничем не скованную силу. Чэн Цзайе наклонился, чтобы положить мокрую майку, и, взяв сухую футболку, случайно бросил взгляд в зеркало ванной, отражавшее Цзян Шоуяня у него за спиной.

Тот уже сидел на подоконнике. Свет, падающий сзади, очерчивал его контур мягким сиянием, но черты лица тонули в туманной тени. Чэн Цзайе показалось, что солнце не наполняет его теплом, а лишь высвечивает его невесомость — словно он в любой момент может просто выпорхнуть из окна.

Кажется, озадаченный тем, что Чэн Цзайе так долго не шевелится, Цзян Шоуянь слегка повернул голову. Пойманный за подглядыванием, Чэн Цзайе ничуть не смутился. Цзян Шоуянь лишь очень легко и медленно улыбнулся — вежливой и отстранённой, не касающейся глаз улыбкой.

От этого зрелища почему-то становилось... больно. В воздухе повисла уютная тишина.

Вдруг Чэн Цзайе развернулся. Вся его импульсивная, дикая натура, вся его бьющая через край жизненная сила полностью открылась перед Цзян Шоуянем. Он в несколько шагов приблизился — и остановился: близко, но не нарушая личных границ.

Солнце с тёплой лаской легло на плечи Чэн Цзайе. Он медленно опустил ресницы, его взгляд упал на руку Цзян Шоуяня, и он спросил:

— Цзян Шоуянь, можно мне сегодня получить твой WeChat?

<http://bllate.org/book/14908/1340825>